

ПРОЛОГ

8-й день лета

Свет плавился в горячем воздухе янтарём и золотом, охряные пески вздымались к облакам. Ржавые горы впивались в небеса. Всё в Крапчатых землях было алым, пурпурным или жёлтым: пёстрые камни, колючие листья низкорослых веретинников, морды горбачей — двулапых вьючных животных, на которых кочевники пересекали пустыню. Когда Даур готовился к путешествию, он вычитал, что самки горбачей с лёгкостью могли перевозить семью вместе с шатром — настолько эти животные были огромными. В первые дни Даур искал их взглядом в длинной скальной гряде на горизонте, чтобы самому полюбоваться на легендарных исполинов, но за три недели он не увидел даже поселений или кочующих кланов.

ВОР

Даур развернул карту. Крапчатые земли обагрjali её правый край подобно пролитой капле вина. Даур отметил пройденный путь и вздохнул. Дальше — пропасть Аш, созданная Дзуликой, чтобы защитить мир от варваров. По легенде, богиня провела ножом по континенту и коснулась ядовитой жилы в недрах земли. Освобождённые парьы заполнили пропасть до краёв и поднялись к облакам, отгородив Крапчатые земли от Далёких берегов смертоносной стеной. Никому не удалось преодолеть пропасть за всё время её существования.

Горбач изогнул шею, почесал клыками лапу и тряхнул головой. Поводьев он слушался плохо, и Дауру казалось, что животное считает двух наездников на своей спине поклажей. Просить караванщиков о помощи было бесполезно: ни один житель Крапчатых земель не сядет спиной к чужаку. Обычаи местных мало чем отличались от варварских. Здесь даже бесценных не уважали. Поэтому Даур удивился, когда получил заказ от рао, но не стал упускать шанс побывать у правителя Восточного предела. Такое приключение раз в жизни случается! Даур сначала сомневался, стоит ли брать с собой племянника, но Шор наотрез отказался сидеть дома.

Даур оглянулся. Мальчик, сложив руки на груди, сонно покачивался в седле. Окружающие пейзажи действительно наводили тоску, а до руин Южной империи караван пока не добрался. Раньше Шор коротал время, пытаясь открыть свою шкатулку, но делать это на глазах у крапчатников было рискованно. Даур много раз предлагал племяннику помощь, правда, уже скорее в шутку. Шор давно решил, что добудет дар Дзуликой самостоятельно.

Караван пересёк остатки горного хребта и по узкой каменистой тропе поднялся на овальное плато. Даур привстал на стременах: вдалеке пейзаж разрезала красная завеса над пропастью Аш. Даур вздохнул: красивые

виды — это всё, на что он мог рассчитывать. Крапчатники рьяно охраняли подступы к краю мира, считая, что там спрятан путь на небеса.

«Странный путь. По слухам, если бросить в ядовитый туман кусочек стали, она зашипит и мгновенно заржавеет. Что ж, по крайней мере, я увидел пропасть Аш».

Даур утешился мыслью, что он один из немногих бесценных, кто посетил Крапчатые земли. Второй раз он на такое путешествие не отважился бы.

— Шор, просыпайся, — позвал Даур, потрепав племянника по руке.

Шор протёр заспанные глаза и зевнул.

— Приехали? — спросил он с надеждой.

— Сам посмотри. Видишь шатёр в центре плато? Белый, с красными завитушками? Это шатёр рао. А вон там, по краям, шатры посыльных от кланов и приближённых.

— Ух ты! А вон там яхчал! — Шор указал на песчаную постройку в стороне от шатров. — В нём летом хранят лёд. Яхчал ещё имперцы придумали.

Племянник наклонился, будто попытался рассмотреть занятную постройку поближе, а сам прошептал:

— Караванщики говорили, что рао совсем плох. Не ест, не разговаривает. И с каждым днём ему всё хуже и хуже.

— Надеюсь, слухи о его болезни преувеличены, — так же тихо сказал Даур. — Если он умрёт... Не хотелось бы находиться здесь, когда начнётся борьба за власть.

— Это у нас народ распускает слухи, стоит принцессе чихнуть, а крапчатники не особо разговорчивы, без причины обсуждать не стали бы. Здесь происходит что-то нехорошее, — пробормотал Шор.

Даур нахмурился.

— Продолжай слушать. И помни...

— Делать вид, что не понимаю их язык, да-да. Что бы ты без меня делал? Наш переводчик ужасен, — фыркнул Шор.

— Куда ему до Шора Всезнающего!

Шор пихнул дядю в спину и гордо задрал подбородок. Парень говорил на шести языках, два из которых выучил за время путешествий. А ведь ему всего четырнадцать лет!

Караван остановился. Даур спрыгнул с горбача и с наслаждением потянулся, отчего захрустел, кажется, весь позвоночник.

— Сейчас бы окунуться, да, Шор?

Мальчик кивнул. Но, вместо того чтобы дать путешественникам отдохнуть и перекусить, крапчатники отвели обоих в шатёр. О традициях гостеприимства тут и не слышали. Даур успел только завязать в низкий хвост растрёпанные волосы. Шор украдкой сунул нос под мышку и поморщился.

«Побриться бы, смыть с лица пыль, а по-хорошему — поспать и переодеться в чистое... Что ж, мы приехали не перед принцессой красоваться».

Даур вошёл в шатёр, взглянул на рао и понял, что крапчатники действительно не болтали попусту. Рао умирал. Его глаза налились кровью, вены на лбу вздулись, а блестящее от пота лицо отекло, и кожа на нём натянулась, как на барабане. Старческое свистящее дыхание прерывалось надрывным, задыхающимся кашлем. Правитель Восточного предела лежал на горе подушек, окружённый десятком безмянных наложниц. Шатёр охраняли копейщики. Несколько слуг, смиренно склонив головы, поглядывали на гостей с любопытством.

— Даур, — едва слышно окликнул Шор, спрятавшись за спиной Даура. — Что с ним?

— Я не знаю, — ответил тот. Он сохранил дружелюбное выражение лица, сделав вид, что восхищается

обстановкой, а сам за это время успел осмотреться. Над столом с яствами летали мухи. Подушки рао пропитались кровью. И хоть в шатре сильно пахло благовониями, их аромат не скрывал кисловатый душок разложения. Либо крапчатники кого-то недавно хоронили, либо болезнь рао была страшнее, чем казалось.

— Как будто в нём что-то выросло и хочет вылезти наружу, — дрожащим голосом пробормотал Шор, сгорбившись от страха. Он наверняка не заметил и трети того, что увидел Даур, но явно понял главное: после выполнения работы нужно будет поскорее убираться отсюда.

— Тихо. И выпрямись. Нас сейчас представят.

Шор повиновался.

Караванщик отстегнул маску, защищавшую от песка, вышел вперёд и поклонился рао. Правитель перевёл на подданного мутный взгляд и чуть шевельнул указательным пальцем, разрешив говорить.

Даур понимал отдельные фразы на языке крапчатников. Речь у них была быстрой, грубой. Отчётливо прозвучало только слово, единое для всех народов Арода-на, — бесценный.

— Дъур, — представил того караванщик, исковеркав имя из-за акцента.

Даур поклонился. Он ожидал, что ему назовут имя рао. Но нет. Даур почувствовал холодок в груди, ведь отчётливо увидел, что рао — наречённый.

Все безымянные казались обесцвеченными, серыми. Их голоса были тихими, а глаза — пустыми. Рао, несмотря на предсмертное состояние, казался живее и ярче стоящей рядом безымянной молодой наложницы.

«Нет, у рао есть имя, но он не доверяет его бесценному. Бесценному, который откроет шкатулку, посланную рао богиней!»

Принцы представлялись перед каторжниками и убийцами, отцы веры назывались перед сквернословыми и блудницами, анатомы говорили свои имена умалишённым. А правитель Восточного предела поставил бесценного ниже безымянного раба.

Рао скривился и выплюнул слово-вопрос.

— Кт твья спутнитса? — спросил караванщик.

Шор пискнул, но благоразумно не стал ничего говорить. Он носил просторные белые одежды, голова по бокам была выбрита, а посередине волосы собирались в рыжую косу, достающую до плеч. На мочках и раковинах ушей Шор носил круглые серьги, как и полагалось мальчикам за Шёлковым морем. Должно быть, столь необычный вид ввёл правителя крапчатников в заблуждение.

— Передай великому рао, что мальчик — мой слуга, — сказал Даур.

«Нельзя, чтобы рао узнал о нашей кровной связи. Даже если крапчатники знают, что талант бесценных не связан с родством, их может заинтересовать наречённый юноша, за годы путешествий познавший немало тайн даров и шкатулок. Вдруг рао придёт в голову купить мальчика, а отказ он воспримет как оскорбление? Нет-нет, пусть считают Шора необразованным слугой».

Повезло, что внешне они мало походили друг на друга: Даур был сероглазым смуглым брюнетом без единой веснушки, а племянник отличался золотисто-медным цветом волос и глаз.

Рао нетерпеливо махнул рукой и закашлялся. Наложницы поспешили вытереть кровь с подбородка повелителя. Девушки хоть и молчали, но не прятали отвращения и брезгливо поджимали губы. Настоящий рао должен был пронзить сердце кинжалом, дабы уйти раньше, чем болельщики превратят его в немощного старика.

Но не существовало в мире желания сильнее, чем узнать секрет шкатулки, а открыть её в первый раз, кроме хозяина, мог только бесценный. Или Дзуликая, но история не знала случая, чтобы богиня судеб спустилась с небес и открыла чью-то шкатулку.

Когда кашель отпустил, рао жестом велел Дауру подойти. Тот поклонился и вышел вперёд. Хорошо, что к правителю не подпускали ближе чем на три шага. Дауру не хотелось заболеть неизвестным недугом. Впрочем, в работе бесценного болезни не являлись самым опасным пунктом в списке.

Рао посмотрел на Даура так, словно выбирал жеребца на ярмарке, и что-то прокряхтел.

— Ты будешь убит, если окажешься нэ тем, з кого сбя вдаёшь, — перевёл караванщик.

Шор вздрогнул так, что серьги в его ушах звякнули.

«О Дзуликая, Шор действительно усомнился, несмотря на то что я открыл десятки шкатулок у него на глазах», — подумал Даур и начал заготовленную речь:

— Великий рао! Я открыл шкатулку принцессы Хасáндры, правительницы Расколотого континента. Её дар — ивовая ветвь, взмах которой вызывает дождь! Шкатулка пятого принца Ародана таила волшебный рог, и каждый, кто слышал его звук, падал без чувств. Вот и мой дар. — Даур бережно призвал свою шкатулку и достал из неё монетку. — Подбросив её, я смогу узнать, говорит мне человек правду или врёт. А в шкатулке Владыки Северной реки лежал простой белый лист, о предназначении которого я не узнал. Какой бы дар ни скрывался в шкатулке рао с Востока — я покажу его.

Рао пожевал ртом и с трудом привстал. Наложницы защебетали, закрутились, подкладывая подушки поудобнее. Рао гаркнул на девушек с такой злостью, что они мигом покинули шатёр.

Правитель сложил ладони вместе, и перед Дауром с металлическим грохотом появилась шкатулка. Слуги тут же сели на пол и зашептали молитву, а копейщики преклонили колени и потом снова встали по местам.

Даур замер. Шкатулка была выкована из тонких витиеватых полосок железного золота, жёлтые и сероватые переливы которого были похожи на мраморный узор. Крышку украшали письмена и драгоценные камни.

«Рао повезло! В Крапчатых землях залежей железно-золота почти не встречается. Здесь даже чистой руды мало добывают».

От шкатулки шёл голубоватый свет, похожий на мерцание звёзд на глади ночного озера. Красота божественного творения поражала. К тому же шкатулка была огромной. Даур пытался придумать сравнение, чтобы потом рассказывать об увиденном чуде принцам и лордам, но на ум не шло ничего, кроме гроба.

«Что же там внутри? Копьё? Лук? Или, может быть, статуя?»

Даур вернул самообладание и вежливо улыбнулся рао, склонив голову и показав, как сильно он впечатлён.

— Какая красивая! — прошептал Шор, чуть подавшись вперёд. — Почему он тянул? Рао мог нанять бесценного давным-давно.

— Не наше дело! — сквозь улыбку отрезал Даур. В шкатулке наверняка лежало нечто удивительное, и это не могло не радовать.

«Быть может, всё не так страшно? Рао получит дар от светлого лика богини, бесценного вознаградят и с почестями соберут в обратную дорогу и получится посетить руины Южной империи, как и мечтал Шор?»

Даур закатал рукава, приблизился к шкатулке и остановился. Уши заложило, и он услышал собственное дыхание и грохот сердца. Пальцы закалились, а суставы

заныли от боли. Дауру показалось, что тени в шатре стали гуще.

— Всё в порядке? — испуганно прошептал Шор.

— Да, да, всё хорошо, — солгал Даур.

«Есть ли у меня выбор? Может, отказаться? А если рао разгневется, кто защитит Шора?»

Даур облизнул губы. За тридцать шесть лет он никогда не испытывал ничего подобного. Шкатулка перед ним была безупречна. Искусные узоры закручивались в тончайшие спирали. Многогранные камни переливались и сверкали, как звёзды. Но в узорах таилась тьма, а камни источали могильный холод. Шкатулка казалась неподъёмной. Нерушимой.

Даур взглянул на рао. Лицо старика скукожилось от напряжения, но всё-таки Даур заметил ухмылку.

Большими пальцами он дотронулся до края крышки — будто руки окунул в ледяную реку!

Под крышкой щёлкнуло, края едва заметно сдвинулись, встав на место, и Даур с ужасом почувствовал внутри шкатулки движение, будто кто-то попытался лечь поудобнее.

В шатре поднялся ветер. Запах гниения резко усилился. Купол затрепетал, и один из тросов лопнул, заставив всех вздрогнуть. Край ткани взметнулся в воздух, Даур невольно бросил туда взгляд и покрылся холодным потом: прямо за шатром лежали сваленные в кучу трупы служителей Двуликой. Серые рясы почернели от крови. Из гниющего месива повсюду торчали переломанные кости и лоскуты содранной кожи. Хранителей веры пытали, не боясь гнева богини.

«Что за чудовище осмелилось на такое?!»

Рао широко улыбнулся: окровавленный рот и розовые зубы показались из-под опухших щёк. Глаза почти полностью заплыли под тяжёлыми веками, а из груди вместе

с кашлем вырвался торжествующий смех. Громогласный, потусторонний. Нечеловеческий.

«А он знает, — понял Даур. — Рао точно знает, что внутри. Замок открыт, осталось откинуть крышку».

Но сделать это Дауру не позволили: отволокли от шка-тулки, как только рао махнул рукой.

— Что вы делаете?! — вскрикнул Даур. — Отпусти-те! Или я призову на суд Дзуликую, и она покарает вас!

Лживая угроза. Бесценный прекрасно понимал, чем может обернуться вмешательство богини, и даже сейчас он предпочитал обойтись без неё.

Стражники не шелохнулись. Древко копья сдавливало горло, перед глазами плыли круги. Рядом охнул Шор: его ударили в живот, отпихнули в сторону, и мальчишка отполз к краю шатра. До него никому больше не было дела.

Рао сполз с ложа, подобно неуклюжему слизню. Он перебирал локтями и волочил за собой неподвижные ноги. Хриплое дыхание перешло в протяжный, животный вой, кожа на лице рао лопнула и разошлась в уродливой, чудовищной улыбке. Он схватил шкатулку непослушными, переломанными в суставах пальцами и навалился на крышку. Мышцы на руках вздулись, спина выгнулась так, что на ней с треском порвалась одежда.

«Шкатулка неподъёмная! Неподъёмная! Пусть у него не получится, Дзулика, пожалуйста, пусть вся тяжесть мироздания противостоит рао, лишь бы шкатулка не открылась!» — молил Даур, теряя сознание.

Голубая полоса разрежала письмена надвое, крышка приподнялась, и из шкатулки вырвались потоки света и холода.

Рао завизжал — и его тело разорвалось на части, выпустив бесформенного монстра, который одним рывком открыл шкатулку и с вожделием достал свой дар.

Что случилось в Восточном пределе тем летним днём, доподлинно не знал никто.

Дикие племена пустыни пели, отвечая на зов древнего бога.

Старый работорговец хвастался, что выгодно купил у крапчатников бесценного, нёсшего околесицу про чудовище у пропасти Аш.

Мальчик, которого нашли среди руин имперского города, бился в руках спасших его людей и кричал:

— Мастер! Это Мастер! Он убил её! Он убил её!

